

Белые ночи — эпизод 19 из 23

Боже, как всё это кончилось! Чем всё это кончилось! Я пришел в девять часов. Она была уже там. Я еще издали заметил ее; она стояла, как тогда, в первый раз, облокотясь на перила набережной, и не слыхала, как я подошел к ней. Настенька! окликнул я ее, через силу подавляя свое волнение.

Она быстро обернулась ко мне.

Ну! сказала она, ну! поскорее!

Я смотрел на нее в недоумении.

Ну, где же письмо? Вы принесли письмо? повторила она, схватившись рукой за перила.

Нет, у меня нет письма, сказал я наконец, разве он еще не был?

Она страшно побледнела и долгое время смотрела на меня неподвижно. Я разбил последнюю ее надежду.

Ну, бог с ним! проговорила она наконец прерывающимся голосом, бог с ним, если он так оставляет меня.

Она опустила глаза, потом хотела взглянуть на меня, но не могла. Еще несколько минут она пересиливала свое волнение, но вдруг отворотилась, облокотясь на балюстраду набережной, и залилась слезами.

Полноте, полноте! заговорил было я, но у меня сил не хватило продолжать, на нее глядя, да и что бы я стал говорить?

Не утешайте меня, говорила она плача, не говорите про него, не говорите, что он придет, что он не бросил меня так жестоко, так бесчеловечно, как он это сделал. За что, за что? Неужели что-нибудь было в моем письме, в этом несчастном письме?..

Тут рыдания пресекли ее голос; у меня сердце разрывалось, на нее глядя.

О, как это бесчеловечно-жестоко! начала она снова. И ни строчки, ни строчки! Хоть бы отвечал, что я не нужна ему, что он отвергает меня; а то ни одной строчки в целые три дня! Как легко ему оскорбить, обидеть, бедную, незащищенную девушку, которая тем и виновата, что любит его! О, сколько я вытерпела в эти три дня! Боже мой! Боже мой! Как вспомню, что я пришла к нему в первый раз сама, что я перед ним унижалась, плакала, что я вымаливала у него хоть каплю любви... И после этого!.. Послушайте, заговорила она, обращаясь ко мне, и черные глазки ее засверкали, да это не так! Это не может быть так; это ненатурально! Или вы, или я обманулись; может быть, он письма не получал? Может быть, он до сих пор ничего не знает? Как же можно, судите сами, скажите мне, ради бога, объясните мне, я этого не могу понять, как можно так варварски грубо поступить, как он

поступил со мною! Ни одного слова! Но к последнему человеку на свете бывают сострадательнее. Может быть, он что-нибудь слышал, может быть, кто-нибудь ему насказал обо мне? закричала она, обратившись ко мне с вопросом. Как, как вы думаете?

Слушайте, Настенька, я пойду завтра к нему от вашего имени.

Ну!

Я спрошу его обо всем, расскажу ему всё.

Ну, ну!

Вы напишите письмо. Не говорите нет, Настенька, не говорите нет! Я заставлю его уважать ваш поступок, он всё узнает, и если...

Нет, мой друг, нет, перебила она. Довольно! Больше ни слова, ни одного слова от меня, ни строчки довольно! Я его не знаю, я не люблю его больше, я его по...за...буду...

Она не договорила.

Успокойтесь, успокойтесь! Сядьте здесь, Настенька, сказал я, усаживая ее на скамейку.

Да я спокойна. Полноте! Это так! Это слезы, это просохнет! Что вы думаете, что я сгублю себя, что я утоплюсь?..

Сердце мое было полно; я хотел было заговорить, но не мог.

Слушайте! продолжала она, взяв меня за руку, скажите: вы бы не так поступили? вы бы не бросили той, которая бы сама к вам пришла, вы бы не бросили ей в глаза бесстыдной насмешки над ее слабым, глупым сердцем? Вы поберегли бы ее? Вы бы представили себе, что она была одна, что она не умела усмотреть за собой, что она не умела себя уберечь от любви к вам, что она не виновата, что она, наконец, не виновата... что она ничего не сделала!.. О, боже мой, боже мой!..

Настенька! закричал я наконец, не будучи в силах преодолеть свое волнение, Настенька! вы терзаете меня! Вы язвите сердце мое, вы убиваете меня, Настенька! Я не могу молчать! Я должен наконец говорить, высказать, что у меня накипело тут, в сердце...

Говоря это, я привстал со скамейки. Она взяла меня за руку и смотрела на меня в удивлении.